

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

устремлений: глубже проникнуть в тайны природы, постичь смысл бытия, несовершенного и неустроенного.

Поэзия 'Аттāра оказала большое влияние на развитие философской лирики на Востоке. Его лирика была обусловлена социальными факторами современной ему эпохи, что делает для его творчество исторически значимым. Глубокая и всесторонняя оценка этого огромного художественного наследия поможет в разработке многих проблем истории персидской и таджикской литературы.

1) Более тридцати названий как подлинных, так и приписываемых 'Аттāру произведений в восьмидесяти списках вошло в состав УП выпуска "Описания таджикских и персидских рукописей ИВ АН СССР", выполненного нами в соавторстве с Э.Н.Ворожейкиной (находится в печати).

2) Рукопись ЛО ИВ АН СССР, шифр В I4I (I84a), IO3 л., выполнена четким почерком наста'лик на бумаге восточного производства с кремовым оттенком 2I ша'бāн I266/I августа I849 г. (переписчик Такī Техрāнī).

3) Среди каталогизированных рукописей "Muxṭār nāme" (Sprenger, Rieu, Ethé, Muqtadir, Ivanow, Arberry) рукопись A 85 (270) из фонда ЛО ИВ АН СССР, сделанная редким почерком насх на плотной восточной бумаге оранжевого оттенка, относится к одному из старейших списков - XIY в.

А.В.Пайкова

ЛЕГЕНДА О ЕВФИМИИ КАК ПАМЯТНИК СИРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Когда говорят о сирийской художественной литературе, почти всегда делают оговорку, что таковой в чистом виде не существует, что можно отмечать лишь отдельные беллетристические элементы в произведениях исторического, агиографического характера и др., что выделение художественных сочинений из общей массы памятников сирийской письменности просто невозможно.

Несостоятельность этого суждения можно продемонстрировать на примере трех сирийских сочинений, относящихся к разным литературным жанрам, но составляющих своеобразный литературных триптих:

на одном полюсе - хроника Иешу Стилимта, сочинение исторического плана, хорошо известное по работе Н.В.Пигулевской "Месопотамия на рубеже V-VI веков", на другом - агиографический рассказ о деяниях мучеников Гурия, Шамуны (и Хабиба) и между ними - легенда о Евфимии, представляющая сложное соединение элементов как первого, так и второго.

Хроника Иешу Стилимта повествует о событиях из истории Месопотамии V-VI веков: бесконечные войны, эпидемии чумы, землетрясения, неурожай, голод - вот испытания, выпавшие на долю населения этих областей. В значительной части - это краткие погодные записи, содержащие лишь сообщения о событиях, однако часто от простой информации автор переходит к попытке изображения событий, и в этих случаях можно говорить о принадлежности отдельных отрывков к жанрам художественной литературы.

Этот переход от краткой хроникальной записи к описанию событий - лишь первый шаг на пути к созданию художественной прозы, основной и важнейшей особенностью которой является ее сюжетность.

Обратимся теперь к житию святых Гурия и Шамуны. Житие написано в традиционном стиле, характерном для этого рода литературы. Подробное описание канонической схемы жития-мучения дано исследователями на материале древнерусской и византийской литератур (В.П.Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII вв. В кн. Истоки русской беллетристики, Л., 1970, X.М.Допарев. Греческие жития святых VIII и IX веков, ч. I., Пгр., 1914).

Все моменты, зафиксированные в этой схеме, можно выделить и в нашем сочинении, за исключением посмертных чудес.

Жития, возникавшие в огромных количествах, удовлетворяли в какой-то степени и потребность в беллетристическом чтении, так как несмотря на их церковно-ритуальное назначение и схематичность повествования, читатель находил в них и определенную психологическую разработку характеров, и описание волнующих событий, и чисто беллетристические отрывки. Однако и эти беллетризованные сочинения, ввиду их особых прагматических функций, лежат вне сферы художественной литературы.

Рассмотрим далее легенду о Евфимии, которую исследователи (издатель текста Ф.Но, О.Гербхардт и др.) относят к агиографической литературе, по-видимому на основании того, что в состав

ее включен эпизод, где действуют святые. Однако эпизод этот, так же как и молитвы, обращенные к святым, являются как бы вторым, не главным, не существенным слоем повествования; освободившись от этого слоя, легенда ничего не теряет ни в своей логической завершенности, ни в силе эмоционального воздействия.

В рукописи наша легенда представлена в соответствующем окружении, рядом с другими житийными текстами (См. F. Nau. *Hagiographie syriaque. Revue de l'Orient chrétien, tome V (XV), Paris, 1910*).

Тем не менее, нам представляется возможным выделить ее из этой среды как чисто художественное произведение, отвечающее всем установленным критериям.

Повесть о Евфимии, как нам кажется, возникла под влиянием хроники Иешу Стилита в той ее части, где он повествует о бедствиях, постигших Эдессу в связи с нашествием гуннов, и сетует, что не в состоянии описать всего, ибо "мучения, которые испытывал каждый отдельный человек, таковы, что могли быть описаны в длинных историях..." (Н.В. Пигулевская. *Месопотамия на рубеже V-VI веков, М.-Л., 1940, стр.165*).

Одной из таких историй и является повесть о Евфимии. О том, что автор ее читал хронику Иешу Стилита и, может быть, даже имел ее под рукой, свидетельствует начало повести, почти дословно совпадающее с записью Иешу Стилита, только несколько шире раскрывая ее. Однако дальнейшее повествование автора хроники лишь намечает тему, которая в повести находит полное художественное воплощение. На фоне исторических событий, описанных в хронике, действуют герои, конкретные образы которых и сложные взаимоотношения друг с другом – плод художественного вымысла автора. Вымышлены герои, вымышлены их имена, причем выбор имен – здесь художественный прием для характеристики персонажей: Евфимия – пользующаяся доброй славой, благочестивая (для добродетельной героини, каковой автор и представляет ее на протяжении всего повествования), София – мудрая (для ее матери, женщины осторожной и предусмотрительной).

Важно отметить, что исследователи древнерусской литературы рассматривают появление "героя с вымышленным именем и вымышленной биографией", так называемого "бытового человека", "безвестного, ничем в исторической жизни страны не примечательного" в отличие от "исторической личности", как новый этап в развитии

литературы, "в ее движении к реалистическому вымыслу". (Д.С.Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. В кн. Человек в литературе древней Руси, М., 1970, стр. III, 113).

Такие обычные "средние" люди действуют и в нашей повести, правда, действуют подчас в не совсем обычных условиях. Так, оказавшись на чужбине, завлеченная вероломным готом и вынужденная совершить преступление, Евфимия замурована в могильном склепе в ожидании мучительной гибели.

С точки зрения современного читателя, здесь имеет место полная завершенность повествования и вряд ли можно ожидать какого-либо нового поворота событий. Однако не следует забывать, что средневековая литература была в основе своей литературой назидательной. (Дидактический характер ей придавали библейские цитаты, разного рода нравоучительные сентенции и примеры из жизни святых, а также проповедь идеи о торжестве справедливости). Поэтому автор не считал возможным оставить свою добродетельную героиню в ее бедственном положении. Чтобы выйти из затруднения, он использует уже готовое сочинение – знакомое нам житие Гурия и Шамуны – и вплетает его в свое повествование.

Замурованная в склепе, Евфимия обращается с молитвой к святым, и они чудесным образом за одну ночь переносят ее на родину в Эдессу.

Здесь используется, – может быть, неосознанно – прием, который получил широкое распространение в античной трагедии и известен под названием "deus ex machina" ("Бог из машины"): когда сюжет заходит в тупик и автор не знает, что делать с героями дальше, он вводит в действие какого-нибудь мифического бога, который приводит пьесу к благополучной развязке.

Как уже отмечалось ранее, легенда отражает реальные исторические события, однако изложены они не в их подлинной временной последовательности, а произвольно, в соответствии с требованиями развития сюжета, что характерно для произведений художественной литературы.

Таким образом, повесть о Евфимии, написанная на темы исторической хроники Йешу Стилита, но отличная от нее своей сюжетностью, является как бы иллюстрацией к ней, представляя законченное художественное произведение с вымышленными героями, яркой характеристикой образов, с большим вниманием к организации

прямой речи как выразительному средству этой характеристики, с преобразованием хронологической последовательности исторических событий. Являясь как бы продолжением жития Гурия и Шауны, так как именно в рамках повести они совершают свое посмертное чудо, повесть не совпадает с житием ни по характеру изложения, ни по конечным практическим целям. Если одно из произведений представляет собой описание традиционного мученичества со всеми характерными для агиографии особенностями, то другое — бытовая повесть с авантурным занимательным сюжетом.

Итак, рассмотренные сочинения составляют единую цепь из трех звеньев, и в слиянии исторического и агиографического повествования следует, по-видимому, искать истоки беллетристических жанров в сирийской литературе. Сирийской литературе суждено было угаснуть прежде, чем эти жанры оформились окончательно, однако предпосылки для их развития несомненно имелись.

Э. Русинова

"ПИСЬМА АРМЯНИНА ИЗ ИРЛАНДИИ ДРУЗЬЯМ В ТРАПЕЗУНДЕ".

В литературе середины XVIII века эпистолярный роман стал одним из самых распространенных жанров. Восточный колорит часто привлекал писателей эпохи Просвещения возможностью скрыть свои подлинные убеждения, "под покровом вымысла представляя опытному глазу какую-нибудь истину" (Вольтер). Критика общественных устоев исходила в литературе этого рода от путешественника-чужестранца, ставшего излюбленным героем литературы того времени.

С конца XVII и на протяжении XVIII века увидело свет немало выдающихся произведений, созданных в жанре эпистолярного романа и оказавших заметное влияние на литературу и общественную жизнь последующей поры. В перечне этих произведений одно из первых мест принадлежит сочинению генуэзца Джованни Паоло Мараны "Письма турецкого шпиона при дворах европейских государей" (Амстердам, 1684), неоднократно переводившемуся на многие европейские языки.

Эпистолярный жанр был популярен и в Англии, где еще в 1711 г. Стиль и Аддисон в журнале "Зритель" опубликовали вымышленные письма четырех индийских правителей, которые при отъезде из